

Белгород – послан И. Спешнев.
Брянск – послан В. Зиновьев.
Рыльск – П. Воейков и Б. Износков.
Кашира – Г. Волконский, дьяк Д. Яковлев.
Тула – Г. Тюфякин.
Крапивна – М. Ивашкин, был убит литовцами.
Арзамас – был Д. Змеев, заменен царем на П. Львова, дьяка
С. Козадавлева.
У засеки – Г. Хлопов и Ф. Старостин.
Владимир – И.В. Измайлов.
Суздаль – Р.П. Пожарский.
Кадом – И. Можаров.
Алатырь – П.И. Батурлин.

Эта информация очень важна, поскольку разрядных записей за это время нет.

Из анализа переписки можно сделать некоторые выводы о том, кто были посыльные с грамотами. В особо важных случаях были следующие лица: И.В. Усов – с первой царской грамотой Земскому собору, стольники И.Ф. Троекуров и И.П. Шереметев с царскими требованиями к собору. В остальных случаях грамоты посылались с жильцами, дьяками и другими лицами: И. Маркин (жилец), И. Борисов (подьячий), Ф. Стромиллов (лихвинец), М. Данилов (дьяк), С. Ефремов, И. Сушков, Р. Ларионов, Ф. Чулков, М. Полтев, И. Дичков, С. Онучин, Ф. Засецкий, В. Павлов, Ф. Алябьев и др.

Значительный перечень посыльных говорит о том, что специальных лиц для этого не было. За исключением особо важных случаев грамоты отправляли с теми, с кем было наиболее удобно. Например, дьяк М. Данилов сам отвез царскую грамоту, запрещающую боярам отнимать у него имение.

В целом переписка содержит достаточно богатую информацию о состоянии государства в то время и управлении им.

ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ЦАРСТВОВАНИЯ

2 мая состоялся торжественный въезд Михаила Федоровича в Москву. К сожалению, документальных свидетельств этой встречи нет. О ней можно судить только по краткому описанию в «Сказании» Авраамия Палицына, содержащему некоторые ошибки. Так, в нем отмечено, что в Братошино к Михаилу прибыли ростовский митрополит Кирилл и боярин И.М. Воротынский, суздальский же архиепископ Герасим с архиепископом Арсением

встречали его около стен города³¹. Из переписки же известно, что с Воротыньским прибыл Герасим, который писал потом Кириллу отчет о своей деятельности.

Авраамий отмечал, что, начиная с Братошина, до самой столицы люди самых различных званий приветствовали царя, дарили ему хлеб и передавали челобитные. Около самого города его встречали представители Освященного собора, князя, бояре, воеводы со всеми придворными чинами и воинство, а также бесчисленное количество народа с женами и детьми. В руках они держали кресты и иконы.

Михаил Федорович пешком вошел в Кремль и сначала, по обычаю, посетил Успенский собор. Там он приложился ко всем чудотворным иконам и святым мощам, отстоял молебен. Затем он отправился в Архангельский собор, где, как отметил Авраамий, лежали «сродницы его, преже почившие государи цари и великие князи». Последним местом посещения царя стал придворный Благовещенский собор. Оттуда его торжественно ввели в царский дворец.

Авраамий счел нужным указать, что мать Михаила, Марфа Ивановна, «изволи пребывати в велицей Лавре Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в Девиче монастыре»³².

Это примечание, несомненно, свидетельствовало о том, что вопрос о местожительстве Марфы Ивановны был достаточно сложным. Михаил Федорович, видимо, хотел, чтобы мать официально была его соправительницей, поскольку он был молод и неженат (можно вспомнить, что после смерти царя Бориса его жена Мария Григорьевна стала соправительницей царевича Федора и ее имя писалось раньше имени сына). Но бояре самым решительным образом воспротивились этому, и, видимо, убедили Марфу Ивановну поселиться в монастыре. Возможно, они не столько боялись сильного влияния старицы, сколько опасались, что ее соправление для многих может стать свидетельством несамостоятельности и неопытности самого царя.

В Разрядных книгах не сохранилось сведений о каких-либо торжествах по случаю прибытия Михаила Федоровича в Москву. Нет в них и данных о формировании нового правительства. Вероятно, в первые месяцы царь управлял с помощью тех органов власти, которые уже были в Москве. В Боярскую думу вошли те думные люди, которые были в ней при Василии Шуйском, поскольку чины, полученные от Лжедмитрия II и Сигизмунда, даже ополченцы отказывались признавать. Исключение было сделано только для Д.Т. Трубецкого.

Главой Боярской думы остался Ф.И. Мстиславский, он также сохранил за собой чин конюшего. В нее вошли: Ф.И. Шереметев, И.М. Воротынский, И.Н. Романов (в переписке с Михаилом Федоровичем он почему-то не принимал участия), В.П. Морозов, В.И. Бахтеяров-Ростовский, Б.М. Лыков, В.Т. Долгорукий, Д.Т. Трубецкой, И.С. Куракин. Относительно И.В. Голицына точных сведений нет. А.П. Куракин и А.А. Нагой были воеводами Ростова. Остальные бояре либо были слишком стары, либо находились в Речи Посполитой (В.В. Голицын – в плену, М.Г. Салтыков, В.М. Масальский, И.И. Шуйский, Ю.Н. Трубецкой – на службе у Владислава).

С.Ф. Платонов, изучавший окружение Михаила Федоровича в первые годы его правления, отметил, что кроме Салтыковых в ближний царский круг вошли князь А.В. Лобанов-Ростовский и Константин Иванович Михалков. Первый проводил смотр служилых людей в царском стане в селе Любилове, потом стал чашником, получил большое поместье и возглавил Стрелецкий приказ. Вторым стал постельничим и «наместником московской трети»³³.

Одной из главных задач нового правительства стала борьба с И. Заруцким и Мариной Мнишек, поскольку они были притяжением всех деструктивных сил в государстве. Разрядная книга 1613–1614 гг. наглядно показывает, как была организована эта борьба. Главным борцом был князь И.Н. Одоевский, который обосновался в Туле и ждал тех, кто должен был с ним соединиться. Тем временем Заруцкий попытался было взять Ливны, но воевода Г.Ф. Колтовский его отбил. В итоге тот пошел к Лебедяни³⁴.

По приказу царя Одоевский был послан в Данков, но там выяснилось, что собственных сил у него мало, чтобы сразиться с войском Заруцкого. Тогда по государеву указу во многие города были отправлены сборщики воинских людей: в Воронеж – А.Д. Звенигородский, на Рязань – Н.С. Мотовилов, в Серпухов, Тарусу и Алексин – Д.С. Погожево, на Тулу – Г.И. Огарев. Кроме того, Н.И. Одоевскому было велено от себя отписать в Ливны, Елец, Оскол и Воронеж.

В итоге к князю вскоре пришли отряды из Ливен от воеводы Г. Колтовского, из Ельца – от Т. Пушкина и Ф. Соковнина, из Воронежа – от М.А. Куракина. Это позволило Одоевскому выступить против Заруцкого и 29 июня около Воронежа дать ему бой. Он закончился полной победой царских воевод. Противник в спешном порядке бежал к Астрахани³⁵.

Так общими усилиями Заруцкий был отогнан достаточно далеко от центральных районов и перестал представлять собой серьезную опасность. Однако Михаил Федорович не успокоился

на достигнутом. Он прекрасно понимал, что борьба с Заруцким и другими врагами была бы более успешной, если бы все воинские люди вовремя явились на службу. Поэтому он приказал сборщикам во Владимире, Суздале, Муроме, Лухе, Гороховце и Нижнем Новгороде выявить тех, кто совсем не был на службе, и тех, кто сначала явился, а потом сбежал. Первых следовало бить батогами, вторых – кнутом и отбирать у них одну треть поместий. Кроме того, всех нетчиков следовало осенью доставить в Москву, где царь собирался «привести их в чувство» и заставить выполнять свои обязанности³⁶.

Данные сведения говорят о том, что Михаил Федорович решил вести решительную борьбу с теми, кто предпочитал отсиживаться по домам в тревожное время, когда следовало бороться с врагами государства.

Одной из наиболее важных задач царя стало наполнение казны, ведь воинских людей необходимо было снабжать всем необходимым. Возвращавшиеся сборщики сообщали неутешительные вести о том, что население очень разорено, а государевы владения запустошены. Поэтому на Земском соборе при участии Михаила Федоровича было решено собрать недоимки по налогам с богатых промышленников Строгановых и, кроме того, попросить у них в долг денег и продовольствие. 24 мая Строгановым была отправлена грамота, подписанная высшим духовенством: казанским митрополитом Ефремом, ростовским – Кириллом, суздальским архиепископом Герасимом, рязанским архиепископом Феодоритом, архангельским (галасунским) архиепископом Арсением, коломенским епископом Иосифом, карельским епископом Сильвестром (видимо, приехал недавно, поскольку на избирательном соборе его не было), троицким архимандритом Дионисием, чудовским архимандритом Авраамием, спасским архимандритом Феофилом (из Ярославля), келарем Авраамием Палицыным и чудовским старцем Мисаилом³⁷.

Состав духовенства показывает, что в мае в Москве собрались многие высшие иерархи, чтобы своим авторитетом поддержать молодого царя.

В Новом летописце было отмечено, что люди «всею землею» собрались, пришли к Михаилу Федоровичу и со слезами на глазах стали просить его венчаться на царство³⁸. Только эта процедура могла окончательно узаконить его права на царский трон. Ведь с 14 марта он считался только нареченным государем. Поэтому было решено 11 июля, в канун дня рождения царя, устроить торжественное его венчание на царство. Для церемонии был написан особый чин, образцом для которого послужили чины венчания

прежних царей (СГГД, ч. 3). Он дает самое подробное представление о процедуре венчания. Несомненно, что в качестве образца для Чина Михаила использовался Чин царя Федора Ивановича³⁹, в который были внесены некоторые изменения.

В начале текста отмечено, что 11 июля 1613 г. царь Михаил Федорович «изволил венчаться царским венцом и диадемой», при этом в его титул включено слово «самодержец» (СГГД. С. 70). В Чине Федора Ивановича этого вступления нет, как и нет прибавления к царскому титулу слова «самодержец». Новшество в Чине Михаила, видимо, должно было подчеркнуть его полную самостоятельность и самовластие.

Далее в Чине Михаила есть еще одно новшество – отмечено, что церемония началась с вечера предыдущего дня, когда духовенству было приказано служить всю ночь и праздновать Троицу и отмечать память московских чудотворцев и Сергия Радонежского как особых покровителей царя.

Последующий текст сходен: царь на утро призвал бояр к себе (Федор – в Столовую палату, Михаил – в Золотую) и приказал им быть в сенях в золотом платье. Духовенству же было приказано готовиться к церемонии в Успенском соборе, а казначею и дьякам – устраивать царское место и все необходимое для этого. Интересно отметить, что, если для Федора был приготовлен только стул, то для Михаила – «престол персидский золотой с камнями да приступком» (он был когда-то подарен Б.Ф. Годуну шахом), видимо, чтобы особо подчеркнуть значимость церемонии (с. 106, 70).

В тексте Чина Федора не указаны лица, готовящие царское место, в Чине Михаила все они перечислены: казначей Никифор Васильевич Траханиотов (звание казначея он получит после венчания), земский дьяк Афонасий Зиновьев, дьяк Дорога Хвитской, дьяк Казенного двора Ждан Шипов (с. 70). Данное перечисление свидетельствует о том, что все участники церемонии хотели, чтобы их имена были зафиксированы в тексте Чина, поскольку вся церемония значилась «без мест», т.е. не фиксировалась в разрядах, хотя само участие было очень почетной миссией и свидетельствовало о близости к царской особе.

Этот вывод подтверждает и последующий текст. В Чине Федора не указано, кто принес царю царские регалии (с. 106). В Чине Михаила, напротив, указано, что на Казенный двор были посланы боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский (боярство он получит после венчания), казначей Н.В. Траханиотов, благовецкий протопоп и два дьякона (с. 71). Когда все принесли Михаилу, он велел боярину Ивану Никитичу (своему дяде) взять цар-

скую шапку и принести ее к себе, потом он поцеловал животворящий крест, принесенный протопопом, и положил на золотое блюдо шапку, крест и бармы, прикрыв все золотым покрывалом. Это блюдо протопоп Кирилл, царский духовник, поставил на голову и понес в собор, два дьякона вели его под руки, чтобы помочь идти. Скипетр было поручено нести Пожарскому, еще одно блюдо – дьяку С. Васильеву, яблоко-державу – Траханиотову (в чине Федора упоминаний о яблоке нет), стоянец – А. Шапилову. Впереди процессии было поручено идти боярину В.П. Морозову (с. 71). В Чине Федора всех этих подробностей нет: царь просто осмотрел регалии и отдал протопопу. Нести их в собор следовало протопопу, конюшему, двум казначеям и двум дьякам, без указания имен и перечня регалий (с. 106).

Как видим, в тексте Чина Михаила существенно больше имен участников церемонии, не только бояр, но и дьяков. Указаны в нем и духовные лица. В Чине Федора не конкретизировано, кто в Успенском соборе принял царские регалии, в Чине Михаила – ростовский митрополит Кирилл и вологодский архиепископ (без имени). Они передали их митрополиту Ефрему (с. 71).

В Чине Федора не указаны имена тех, кто должен был оберегать аналой с царскими регалиями. В Чине Михаила это должны были делать Д.М. Пожарский, Н.В. Траханиотов с дьяками. В.П. Морозов же вновь отправился к царю и сообщил ему о том, что подготовка к церемонии завершена (с. 71).

В Чине Михаила обнаруживаются существенные отличия от Чина Федора и в описании шествия царя в собор. В Чине Федора впереди процессии должен был идти благовещенский протопоп и кадить, за ним следовал Федор Иванович, далее бояре и остальные чины (с. 107). В Чине Михаила перед царем шел В.П. Морозов, за ним перед царем шли окольные и десять стольников, имена которых перечислены: князь Ю.Е. Яншин-Сулешов, князь В.С. Куракин, князь И.Ф. Троекуров, князь П.И. Пронский, И.В. Морозов, князь В.П. Черкасский, В.М. Бутурлин, Л.А. Плещеев, А.М. Нагой и князь А.М. Львов (все это молодые представители наиболее знатных родов). Только после них шел протопоп, сам царь, бояре и прочие вельможи (с. 72).

В Чине Федора было указано, что для охраны царя сбоку шли окольные (с. 107), в Чине Михаила отмечено, что охрана была поручена двум головам стрелецким с сотниками и стрельцами (с. 72). Данный факт говорил о том, что при венчании Федора охрана была как бы декоративной – несколько окольных в золотом платье, Михаила же охраняли вооруженные головы стрелецкие, сотники и стрельцы.

Еще одно отличие касается молебнов. В Чине Федора его пели Богородице и митрополиту Петру (с. 108). В Чине Михаила – к ним добавлены «живоначальной Троице» и преподобному Сергию (с. 72). Несомненно, это было сделано не случайно. Троица всегда была символом единения, Сергей же считался покровителем борцов с интервентами. В Чине Федора нет имен духовных лиц, в Чине Михаила указано, что порядок в соборе наводили: Макарий, спасский архимандрит из Казани, Арсений, игумен Богоявленского монастыря из Костромы, и два дьякона и ключаря (с. 72). Перечень говорит о том, что каждый участник церемонии хотел, чтобы его имя было зафиксировано в Чине, официальном документе.

Можно заметить небольшое отличие и в ходе церемонии. Федор и митрополит просто садились на свои места, Михаила же представители высшего духовенства возводили на его царское место (с. 73). Несомненно, это выглядело почетнее и торжественнее.

Большие отличия содержались и в речах царей, поскольку обстоятельство прихода к власти у Федора и Михаила были различными. Федор обращался только к митрополиту Дионисию и говорил ему о том, что отец благословил его на царство, написал об этом в духовной, поэтому митрополиту следует поставить его на царство по древнему царскому чину (с. 109).

Михаил же обращался с речью не только к митрополиту и духовенству, но и к боярам, дворянам, христоролюбимому воинству и всем православным христианам. В ней он кратко рассказал об истории Русского царства от Рюрика, Владимира Мономаха и до дяди своего Федора Ивановича, перечислил царей Смутного времени и обосновал свои права на престол: как племянник царя Федора Ивановича был всенародно избран на престол. Поэтому он просил митрополита Ефрема благословить его и венчать царской шапкой (с. 73).

Ответная речь митрополита Ефрема была более пространна с явной заостренностью против польского короля Сигизмунда, который и Гришку Отрепьева прислал, и способствовал свержению Василия Шуйского, и обманом захватил русских послов во главе с Филаретом и В.В. Голицыным, выжег столицу, разорил церкви и монастыри, довел до злой смерти патриарха Гермогена, побил множество православных людей, казну разграбил, «вас, великого государя с матерью вашей, великой старицей и государыней нашей, бояр наших» держал в неволе в Китае-городе и Кремле (последнее обвинение было явным преувеличением).

Ефрем совсем не упомянул о Трубецком и Пожарском и лишь сказал, что «всего Российского государства всякие люди вместе

меж себя благосоюзный совет учинили и крестным целованием укрепились» и начали борьбу с королем и его сторонниками. В итоге им удалось очистить Московское государство, освободить Михаила и его мать и всех бояр и за это «Бог подарил нам на царство вас, царя по племени дяде вашем» (с. 76).

По версии Ефрема, Михаил с матерью и боярами находились в плену у поляков, на самом деле они были в осажденном ополченцами Кремле. Опустил он и факт всенародного избрания Михаила Федоровича, права его на престол были только в родстве с царем Федором Ивановичем. Этим Ефрем подчеркивал преемственность династии.

Обряд возложения на царя царских регалий в обоих чинах, в основном, совпадает. Но в Чине Михаила опять же указаны конкретные имена: животворящий крест приносили троицкий архимандрит Дионисий, ипатьевский архимандрит Кирилл, кирилловский игумен Матвей, богоявленский игумен Арсений (из Костромы); его принимали ростовский митрополит Кирилл, вологодский архиепископ (без имени) и псковский епископ Сильвестр. За бармами и диадемой (в Чине Федора упомянуты только бармы) были посланы: чудовский и спасский архимандриты, богоявленский из Ростова игумен Петр, колязинский игумен Феодосий. Их приняли: суздальский, архангельский и рязанский архиепископы.

Царский венец было поручено принести всем архимандритам и игуменам, его далее взяли архиепископы Рязанский и Архангельский с Псковским епископом и отдали митрополиту Кириллу, тот в свою очередь передал его Ефрему (с. 79).

Скипетр и яблоко (в Чине Федора не было последней регалии, поэтому для Михаила обе принесли одновременно) было поручено принести симоновскому архимандриту Павлу, свияжскому архимандриту Корнилию, преображенскому из Казани архимандриту Митрофану, которые должны были передать их ростовскому митрополиту Кириллу со всеми архиепископами и епископами.

Поскольку в Чине Федора нет яблока, то нет и указания, в какую руку Ефрем дал его царю. В Чине Михаила отмечено, что скипетр царь получил в правую руку, а яблоко – в левую (с. 79).

Есть некоторые изменения, касающиеся еще одной царской регалии – золотой цепи, якобы присланной Константином Мономахом. В Чине Михаила этого уточнения уже нет, поскольку во время Смуты эта регалия вряд ли уцелела и, скорее всего была вновь изготовлена.

При описании процедуры миропомазания в рассматриваемых Чинах также есть отличия. Главное в том, что в Чине Федора нет имен участников, в Чине Михаила их довольно много. Указан да-

же постельничий Константин Иванович Михалков, постеливший ковер перед царскими дверьми (с. 84). Царский венец на золотом блюде было поручено держать И.Н. Романову, царскому дяде, скипетр – боярину князю Д.Т. Трубецкому, яблоко – боярину князю Д.М. Пожарскому (с. 85).

В Чине Федора не указано имя даже того, кто должен был осыпать царя золотыми монетами при выходе из собора, лишь уточнено, что это следовало делать сроднику или вельможе (с. 119). В Чине Михаила эта важная миссия была поручена Ф.И. Мстиславскому и казначею Траханиотову, который должен был держать мису с деньгами (с. 86).

Еще одной особенностью Чина Михаила было то, что в заключительной его части четко указано, что и сама церемония венчания, и последовавшие потом пиры и пожалование чинов были «без мест», поэтому никакие челобитные местников не рассматривались (с. 87).

Это замечание возникло потому, что сразу несколько представителей знати попытались затеять местнические споры. Князь А.Ф. Гагарин начал оспаривать у Пожарского право нести царские регалии, Д.Т. Трубецкой был недоволен, что ему дали только скипетр, в то время как И.Н. Романову – царский венец. В.П. Морозов не хотел объявлять боярство царскому двоюродному брату И.Б. Черкасскому. Думный дворянин Г.Г. Пушкин счел для себя умалением родовой чести объявление боярства Д.М. Пожарскому (характерно, что свой чин Пушкин получил за службу Лжедмитрию I, Пожарский же был полководцем-освободителем для всей страны). Даже казначей Н.В. Траханиотов пытался унижить Д.М. Пожарского, считая, что тот не достоин чести нести царский скипетр с Казенного двора. В.П. Морозову не понравилось, что ему поручено идти перед «саном», а Д.Т. Трубецкому – нести царский скипетр⁴⁰.

Спорщики не хотели признавать, что И.Н. Романов удостоился столь высокой чести, потому что был родным дядей царя, что руководители ополчений были отмечены за свои большие заслуги перед страной.

Данные факты говорят, что с точки зрения морали русское общество еще окончательно не выздоровело. Многие представители знати самым главным считали лишь свое происхождение, и ради родовой чести были готовы унижать самых заслуженных людей.

В отличие от некоторых представителей знати, царь Михаил Федорович стремился быть справедливым и постарался публично продемонстрировать свою высокую оценку заслуг полководцев-

освободителей Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского. На венчании он показал всем, что будет опираться на своего дядю И.Н. Романова, на старшего боярина Ф.И. Мстиславского, на родственника В.П. Морозова и прочих. Из его многочисленной свиты по имени были перечислены только стольники, и это вряд ли было сделано случайно – они также должны были стать опорой трона молодого царя. Ю.Е. Яншин-Сулешов вскоре получил боярство и стал видным вельможей, В.С. Куракин – рындой и воеводой, И.Ф. Троекуров (царский двоюродный брат) – боярином, П.И. Пронский прославился в боях со шведами и поляками, И.В. Морозов стал боярином и известным городовым воеводой, В.П. Черкасский – окольным и городовым воеводой, до боярского чина дослужился В.М. Бутурлин. Л.А. Плещеев со временем получил чин кравчего и часто принимал участие в царских пирах и празднествах, А.М. Львов стал видным полководцем и получил боярский чин⁴¹.

Как видим, большинство членов царской свиты стали опорой Михаила Федоровича и за свои заслуги получили высокие чины.

Анализ имен участников церемонии показывает, что летом 1613 г. в Москву собрались почти все высшие духовные чины. К Ефрему, Кириллу, Феодориту, Герасиму и Арсению добавились вологодский архиепископ (без указания имени) и псковский епископ Сильвестр, правда, нет упоминаний коломенского епископа, который участвовал во встрече Михаила. Прибыло много архимандритов и игуменов известных монастырей: Троице-Сергиева, Чудовского, Спасского, Симонова, Ипатьевского и Богоявленского из Костромы, Калязинского, Свяжского, Преображенского из Казани, Кириллова.

Еще одной особенностью чина Михаила является упоминание дьяков: А. Зиновьев, Д. Хвитской, Ж. Шипов, С. Васильев, А. Шапилов. Возможно, это было связано с тем, что именно дьяки оформляли текст Чина. Несомненно, что окончательный вариант создавался позднее, уже после церемонии, поскольку Пожарский назван боярином, а Траханиотов – казначеем. Как уже отмечалось, свои чины они получили после церемонии.

Таким образом, хотя по распоряжению царя венчание проходило «без мест», но в тексте Чина имена всех участников были официально зафиксированы. В будущем его текст стал документом, по которому составлялись чины венчания других царей, в частности, Алексея Михайловича.

К сожалению, разрядные книги содержат мало сведений о том, каким стало правительство и двор сразу после воцарения Михаила Федоровича. Во время венчания его на царство боярст-

во получили Д.М. Пожарский и И.Б. Черкасский (двоюродный брат царя по линии отца). Его сестра, Ирина Борисовна, была, кстати, женой Ф.И. Шереметева. Думное дворянство было сказано К. Минину. Этим царь отметил его большие заслуги перед страной. Казначеем стал, как уже отмечалось, Н. Траханиотов, думным дьяком Посольского приказа – П. Третьяков. Других пожалований во время торжеств не было. Получалось, что царь отметил лишь ополченских воевод и своего близкого родственника, страдавшего от опал вместе с И.Н. Романовым в период правления царя Бориса Годунова⁴².

Во время пира по случаю венчания на царство и царских именин прислуживали следующие стольники: Ю.Е. Яншин-Сулешов, В.И. Бутурлин, И.Ф. Троекуров, П.И. Пронский, А.М. Львов, т.е. те, кто был в царской свите при венчании⁴³. Вскоре чин кравчего получил М.М. Салтыков. Постельничим остался К. Михалков. Интересно, что во время поездки царя из Костромы к Москве его окольными считались В.И. Вешняков и М. Векентьев. Первый в будущем оставался близким царю человеком и сопровождал в различных поездках в чине окольного⁴⁴.

Полных сведений о правительстве и руководителях приказов нет, известно лишь, что Большой дворец остался в ведении Б.М. Салтыкова (боярский титул он получил только в конце 1613 г.).

Земский двор возглавил И.М. Ласкирев и дьяки А.Ф. Зиновьев и Д. Хвитской, т.е. те лица, которые его возглавляли при временном правительстве.

Пушкарский приказ возглавил Л.О. Щербатый, опытный воевода, и Е. Бартенев. Возможно, что они его возглавляли и при временном правительстве, но данных об этом нет.

Судный Владимирский приказ оказался в ведении И.С. Куракина и Г.В. Хлопова. Это назначение было, скорее всего, новым, поскольку Хлопов в марте–апреле находился у засеки недалеко от Алатора.

Стрелецкий приказ подчинялся А.В. Лобанову-Ростовскому, царскому родственнику.

Посольский приказ остался в ведении думного дьяка П. Третьякова, данный приказ он возглавлял и во временном правительстве⁴⁵.

В 1613–1614 гг. даже была составлена традиционная роспись приграничных полков. Большой полк на Туле следовало возглавить И.М. Катыреву-Ростовскому, мужу умершей сестры Михаила Федоровича Татьяны. Передовой полк на Мценске должен был возглавить И.П. Шереметев, представитель одного рода с Ро-

мановыми. Сторожевой полк на Новосили – И.А. Хворостинин⁴⁶. Все они, видимо, были достаточно молодыми людьми.

Сохранились некоторые разрозненные сведения о том, кто был воеводами в различных гордах в 1613 г.

В Калуге остался окольный А.В. Измайлов.

В Воронеже остался М.А. Куракин.

В Ярославле остались И.А. Хованский и С.В. Головин.

В Муроме – Б.В. Собакин, о более ранних назначениях сведений нет.

В Тихвине – С.В. Прозоровский.

В Костроме – В.Р. Пронский. До этого был И.П. Шереметев.

В Нижней Новгород был послан боярин В.Т. Долгорукий, сменивший В.А. Звенигородского.

В Переславле-Рязанском Ф.И. Лыков сменил М. Вельяминова.

В Михайлове – Б. Заболоцкий. До него был ставленник Заруцкого.

В Путивле – Т.Ю. Мещерский. Город был отбит у литовцев.

На Белой – М.И. Колоткин-Плещеев. Город был отбит у литовцев.

В Пронске – Ю.В. Верзеревский, кто был до него, неизвестно.

На Устюжне – А.В. Сицкий и П.И. Загряжский. Были до этого⁴⁷.

Список показывает, что сменено было только 6 воевод. Остальные воеводы остались прежними. Данный факт говорит о том, что царь Михаил Федорович не стремился к кардинальным переменам в самые короткие сроки. Однако уже в следующем году большая часть городских воевод будет заменена, но произойдет это постепенно, без потрясения всех устоев государственного управления.

Достаточно умелая и осторожная внутренняя политика позволила Михаилу Федоровичу в том же 1613 г. снарядить сразу два войска для борьбы с активизировавшимися литовцами, поляками и шведами. Разрядные книги сохранили их роспись.

Летом в сторону Можайска и Калуги выступили полки под руководством Д.М. Черкасского и М.М. Бутурлина. Они достаточно успешно сражались и вскоре освободили Вязьму, Дорогобуж и Белую. Поскольку в ходе боев Бутурлин был ранен, то на замену ему был отправлен И.Ф. Троекуров. Вместе с ним прибыли: 5 сибирских царевичей, 4 стольника, 20 стряпчих, 42 московских дворянина, 17 мурз, 70 жильцов, 333 смоленских помещика, 136 костромичей, 110 ярославцев, 110 галичан, 28 вологодцев, 102 вязьмича, 57 дорогобужан, 156 зубчан, 170 ржевцев, 180 дворян из разных городов, 307 мещан, 84 серян, 48 серпуховчан, 121 алексинец,

97 медынцев, 45 лихвинцев, 96 мещерян, 49 калужан, 29 воротынцев, 35 малоярославцев, 28 боровчан, 20 верейн, 96 козельчан, 33 тарушанина, 40 курмышевцев, 50 алаторцев, 76 патриарших детей боярских⁴⁸. Всего оказалось 2797 человек более чем из 26 городов. К ним были присоединены 40 человек иноземцев из Белой во главе с капитаном, 68 татар, 126 новокрещенов, 208 касимовцев, 315 сеитовцев, 382 темниковца, 228 кадомцев и 87 циенских. Всего 1454 человека.

Кроме того, были отправлены из Москвы 1863 атамана и казака; из Астрахани 100 стрельцов; с атаманом Матерым 122 казака, 2250 казаков, сбежавших от Заруцкого; из Боровска 150 казаков с атаманом С. Федоровым, 120 – с Ф. Омеляновым, 130 с И. Утецким; из Можайска – 437 казаков; из Белева – 300 человек; из Калуги – 370. Всего атаманов и казаков 5999 человек. К ним были присоединены 1025 казаков, ехавших с И.Ф. Троекуровым, и 1000 стрельцов с 10 сотниками.

Всего же было отправлено 12 375 человек, что по тем временам было весьма значительным войском.

Несомненно, что такое большое войско удалось собрать благодаря решительным мерам царя по наказанию нетчиков. Новым было то, что оно формировалось не по полкам, как было раньше, а по городам, при этом у казачьих и стрелецких отрядов уже были свои руководители. Формировать же единое войско из всего этого разношерстного собрания предстояло главным воеводам. Подобный принцип формирования войска был в ополчениях. При Михаиле Федоровиче он продолжал сохраняться какое-то время.

Второе войско было сформировано для похода под Новгород Великий против шведов. Его возглавили Д.Т. Трубецкой и Д.И. Мезецкий, боярин и окольныйчий, но воинских людей им дали в несколько раз меньше, чем стольникам Черкасскому и Троекурову. Причина, видимо, была в том, что последние являлись царскими родственниками и поход под Смоленск считался более важным.

Из Москвы было отправлено 35 стольников, 17 стряпчих, 44 московских дворянина, 204 жильца. Всего 300 представителей двора, т.е. почти вдвое больше, чем с Черкасским и Троекуровым. Довольно много дворян и детей боярских было и из городов: 132 владимирца, 217 суздальцев, 594 костромича, лушан – 41, гороховцов – 14, муромцев – 96, арзамасцев – 388, татар и новокрещенов 237 человек, переславцев 108, ростовцев 85, иноземных помещиков 6, назарьевцев 54, Бежецкой пятины – 2, белозерцев 240, нижегородцев 240, коломенцев 190, ярославцев 18, галичан 52, вязьмичей из Вологды 20, из Пошехонья 17, тверичей 136, ата-

манов из Вологды 24, клинчан 14, новоторжцев 108, старичан 53, осташковцев 25, ржевцев 70, Деревенской пятины 39. Всего 3350.

В дополнение к ним из Москвы было отправлено 11 атаманов и 1045 казаков. Через некоторое время к войску Трубецкого и Мезецкого присоединились 280 пеших людей из Юрьевца, Галича и Корякова, 198 романовских татар и 300 стрельцов во главе с Б. Полтевым. Общая численность достигла 5598 человек⁴⁹.

Как видим, в войске Трубецкого и Мезецкого было много представителей двора и жителей северных и центральных городов, но мало казаков. Причина могла быть и в том, что принцип формирования полков был территориальным, а на Севере казаков почти не было.

Всего же в походе на Смоленск участвовали воинские люди из почти 35 городов, под Новгород – из более 30 городов. Особенно крупными были отряды смоленских помещиков, получивших земли в центральных районах, костромичей, ярославцев, галичан, ржевцев, владимирцев, суздальцев, арзамасцев, белозерцев, нижегородцев, коломенцев, тверичей, переславцев, новоторжцев, казанцев и романовцев.

Организация двух крупных военных походов уже в 1613 г. свидетельствовала о том, что Михаилу Федоровичу удалось завоевать доверие и поддержку жителей очень многих русских городов. По его призыву они вновь взялись за оружие и попытались вернуть утраченные в ходе Смуты русские территории. Однако только Черкасскому и Троекурову удалось отбить несколько северских городов. Осада Смоленска не принесла успеха. Поход Трубецкого и Мезецкого вообще оказался неудачным. Но это было только началом, в целом, вполне успешной внешней политики молодого царя. Главное, чего он добился в короткие сроки, это поддержки всех здоровых сил общества, которые стремились покончить со Смутой и кровавым междоусобием.

Достаточно четкое представление об окружении Михаила Федоровича в первые годы его правления дает Утвержденная грамота, дошедшая до нас в двух экземплярах и несколько раз опубликованная⁵⁰. Долгое время считалось, что подписи под грамотой отражают состав избирательного Земского собора, но потом исследователи выяснили, что подписи собирались в течение достаточно длительного времени в 1613–1614 и даже в 1615 гг.⁵¹

Причина заблуждений была в том, что в заголовке грамоты указывалась дата ее написания – май 1613 г., а в тексте сообщалось, что уже на избирательном соборе было решено ее составить. При этом образцом для нее послужила Утвержденная грамота Бориса Годунова, единственная в своем роде.

Цель грамоты – обосновать права на престол Михаила Федоровича. Содержание ее очень пространно. Сначала рассказывается история династии русских царей и отмечается, что родоначальником ее был Август Кесарь, обладавший всей вселенной (СГГД. С. 599). От него пошел Рюрик, княживший в Новгороде, потом – Игорь, взимавший дань с Константинополя. Его сын Святослав владел 80 городами по Дунаю (с. 600).

Цель глубокого экскурса в историю была в том, чтобы показать древность царской династии и величие и могущество ее предстателей. Можно предположить, что источником для грамоты послужила Степенная книга.

В грамоте в самых хвалебных эпитетах описано правление царя Федора Ивановича и отмечено, что престол он завещал своей жене, царице Ирине, но та не захотела править и постриглась. После этого по умолению патриарха Иова и всего Освященного собора и по челобитию бояр и всех православных христиан царица благословила на царство своего брата Бориса Федоровича (с. 603). О созыве Земского собора в тексте не сообщалось. Тот был венчан по древнему обычаю царским венцом и правил 7 лет “благочестиво и бодроопасно” (с. 603). Однако вскоре от короля Сигизмунда и польских панов началось зло в виде еретика и богоотступника Гришки Отрепьева, который бежал в Польшу и там назвался сыном царя Ивана Васильевича царевичем Дмитрием. Король и паны снабдили самозванца всем необходимым и отправили отвоевывать царский престол. В это время царь Борис умер, на престол взошла его жена Мария Григорьевна и царевич Федор. Но Гришке удалось прельстить малоумных людей и натравить их на царицу и царевича. В итоге те были убиты (с. 604).

Как видим, составители грамоты были вовсе не склонны обвинять во всех грехах Бориса Годунова. По их версии – он законный государь, получивший престол по прошению всех людей и благословению сестры-царицы. Даже правил он благочестиво и «бодроопасно».

Смута же началась из-за происков короля Сигизмунда и польских панов, поддержавших авантюру Гришки Отрепьева. В итоге законные государь Мария Григорьевна и Федор Борисович были свергнуты и убиты. Несомненно, что подобная интерпретация начала Смуты во многом отличалась от той, что предлагалась в текстах, написанных при Василии Шуйском и в период междуцарствия. В них главным виновником происшедшего объявлялся Борис Годунов, якобы убивший царевича Дмитрия и заслуживший небесную кару за этот грех в виде самозванца Лжедмитрия.

Главное обвинение против Лжедмитрия, выдвинутое в грамоте, – он хотел поправить православную веру, разрешал всяким еретикам входить в православные храмы, переписывался с Римским папой, женился на католичке и т.д. Первой его якобы обличила царица Марфа Нагая, которая сказала, что ее сын был убит по повелению Бориса Годунова в 1591 г. и похоронен в Угличе (с. 605). На самом деле Марфа публично подтвердила, что Лжедмитрий ее сын.

В грамоте нет ни слова о том, что главным борцом с самозванцем был Василий Шуйский. По версии ее автора, москвичи сами восстали против Лжедмитрия и убили его. После этого все люди Московского государства посоветовались и решили избрать царем Василия Ивановича Шуйского, поскольку он был от “благочестивого корени” (с. 606).

Грамота, несомненно, носила антипольскую направленность. В ней подробно рассмотрен вопрос о взаимоотношениях царя Василия с Сигизмундом и отмечено, что после обмена посольствами между ними был заключен договор о перемирии на 3 года и 11 месяцев (с. 606). По его условиям король обязывался отозвать своих подданных, примкнувших к Лжедмитрию II, однако он этого не сделал. Более того, он сам вторгся на русскую территорию и осадил Смоленск.

В этой части грамота имеет много общего с грамотой, отправленной в Польшу с Д. Оладьиним. В ней король обвинялся в обмане и коварных замыслах по присоединению Русского государства к своей короне (с. 607).

В Утвержденной грамоте неоднократно упомянут Федор Никитич Романов, ставший по злой воле Бориса Годунова иноком Филаретом. Сначала он – душеприказчик царя Федора Ивановича, потом – глава делегации, отправленной в Углич за останками царевича Дмитрия, и, наконец, руководитель Смоленского посольства к королю. Это было оправданно, поскольку необходимо было доказать, что отец царя Михаила всегда был у престола и выполнял важные миссии.

Главным борцом с польским засилием в грамоте представлен патриарх Гермоген, который открыто обличал пособников польского короля и призывал русских людей к борьбе с интервентами. Ярко и образно описано московское восстание и подавление его интервентами и отмечено, что Михаил Федорович с боярами были захвачены в Китае-городе и Кремле и удерживались поляками насильно (с. 610). Отмечен в ней и подвиг Д.Т. Трубецкого, который с людьми всяких чинов стоял под Москвой полтора года и бился с поляками (с. 611).

В грамоте дважды подчеркнута, что Михаил Федорович с матерью содержался в Москве под стражей и что все русские люди об этом скорбели. Более того, даже написано, что М. Салтыков и Ф. Андронов морили будущего царя голодом и всячески его истязали (с. 611).

На самом деле, это вряд ли могло быть, поскольку Михаил Федорович в 1611–1612 гг. не был кандидатом на престол и никакой опасности для сторонников Сигизмунда не представлял. Он жил с матерью в Кремле под покровительством дяди И.Н. Романова, входившего в «Семибоярщину».

В грамоте достаточно объективно описаны действия обоих ополчений по освобождению столицы. Не забыты ни Д.М. Пожарский, ни Кузьма Минин. Указано, что Михаил Федорович после очищения Кремля от поляков с матерью отбыл в свою вотчину в Костромском уезде (с. 612). В его отсутствие в Москве был собран представительный Земский собор. После долгих обсуждений было решено избрать на престол Михаила Федоровича как племянника всеми любимого царя Федора Ивановича. После этого 6 февраля Земский собор прервал свою работу. Посланцы городов отправились выяснить мнение их жителей. Был приглашен для совета и Ф.И. Мстиславский с остальными боярами. В итоге 21 февраля было официально объявлено об избрании на престол Михаила Федоровича Романова (с. 614).

В Утвержденной грамоте впервые достаточно четко было рассказано о работе Земского собора, поскольку ни в наказе Костромскому посольству, ни в грамотах к царю и его матери всех подробностей нет.

В заключительной части грамоты также подробно описана деятельность Костромского посольства. Интересно отметить, что Михаил Федорович был назван не только племянником царя Федора Ивановича, но и «ближним приятелем», хотя из-за его юного возраста этого быть не могло (с. 617).

В целом описание умоления Михаила Федоровича на царство сходно с грамотами Земскому собору, но есть большие вставки из Библии об аналогичных ситуациях в древности (с. 623–624). Они свидетельствуют о том, что в составлении Утвержденной грамоты принимали участие духовные лица.

В грамоте отмечено, что на заседании Земского собора в апреле было решено написать Утвержденную грамоту и всем избирателям ее подписать, чтобы то, что в ней написано, было «крепко и неподвижно и стоятельно во веки» (с. 634). В итоге грамоту написали в мае и положили в царское хранилище (с. 635).

Заключительные фразы свидетельствуют о том, что, действительно Утвержденная грамота была написана вскоре после Земского собора, избравшего Михаила Федоровича, но подписана она была не только избирателями, но и теми лицами, которые стали окружать Михаила Федоровича в первые годы его правления.

Рассмотрим подписи подробнее. Первыми подписались духовные лица.

Казанский митрополит Ефрем – на соборе не был, прибыл в Москву в свите Михаила Федоровича.

Ростовский митрополит Кирилл – возглавлял собор.

Крутицкий митрополит Иона – на соборе не был, поскольку был поставлен на митрополию только в конце мая.

Суздальский архиепископ Герасим – был на соборе, но не с первых дней работы.

Рязанский архиепископ Феодорит – был на соборе.

Коломенский епископ Иосиф – был на соборе.

Архангельский (Галосунский) архиепископ Арсений – был на соборе.

Карельский епископ Сильвестр – прибыл в конце работы собора, когда Михаил уже ехал к Москве.

Рождественский архимандрит Исаия – точных данных нет.

Чудовский архимандрит Авраамий – был на соборе.

Троицкий келарь Авраамий Палицын – был на соборе.

Симоновский архимандрит Павел – был на соборе.

Свияжский архимандрит Корнилий – видимо, был на соборе, но в конце его работы.

Андреевский архимандрит Сергей – был на соборе.

Кирилловский игумен Матвей – видимо, прибыл в конце работы собора.

Ипатьевский архимандрит Кирилл – не был, прибыл с Михаилом.

Печерский из Нижнего Новгорода архимандрит Феодосий – был на соборе.

Богоявленский из Ростова архимандрит Иосиф – видимо, был.

Богоявленский из Костромы игумен Арсений – видимо, не был.

Богоявленский игумен Симеон – был.

Спасский из Ярославля архимандрит Феодосий – был.

Чудовский келарь Мисаил – был.

Пафнутьево-Боровский игумен Иона – точных данных нет.

Иосифо-Волоколамский игумен Арсений – точных данных нет.

Спасский из Суздаля архимандрит Митрофан – возможно, был.

Спасский из Рязани архимандрит Рафаил – видимо, был.

Кашинский архимандрит Питирим – видимо, был.

Борисоглебский из Ростова игумен Петр – был.

Солотченский игумен Трифон – видимо, был.

Прилуцкий игумен Корнилий – точных данных нет.

Калязинский игумен Феодосий – был.

Корнилиевский игумен Симеон – точных данных нет.

Выводы о присутствии или не присутствии на соборе делались на основе подписей под грамотами, рассмотренными выше, предположения же основывались на том, что архиепископы и епископы должны были приехать с архимандритами и игуменами своих монастырей. Настоятеля отдаленных монастырей вряд ли могли вовремя прибыть на собор в зимнее время.

Рассмотрим подписи бояр.

Федор Мстиславский – известно, что на собор он был приглашен уже в самом конце.

Иван Голицын – его подписей нет ни под одной соборной грамотой. Некоторые исследователи даже предполагали, что он был в отъезде.

Алексей Сицкий – о нем также нет сведений, но боярство он получил только в 1615 г.

Иван Воротынский – был участником собора.

Федор Шереметев – был участником собора.

Иван Одоевский – участников собора был, но боярство он получил только в декабре 1613 г. Его брат, боярин И.Н. Одоевский Большой в это время был в захваченном шведами Новгороде.

Дмитрий Трубецкой – был участником собора.

За Андрея Куракина расписался окольный Ф. Головин. Куракин до декабря 1612 г. был воеводой Ростова. На соборе не был.

Борис Салтыков – боярство получил в декабре 1613 г. На соборе не был, так как находился с царем в Ипатьевском монастыре.

Дмитрий Пожарский – боярство получил во время венчания царя на царство, но на соборе был.

Иван Куракин – видимо, был на соборе.

Василий Морозов – был на соборе.

Григорий Ромодановский – возможно, был на соборе, но боярство получил только в 1615 г.

Иван Хованский – за него расписался Д. Пожарский. Боярство получил только в 1615 г. На соборе не был, так как был на воеводстве в Ярославле.

Иван Черкасский – боярство получил во время венчания царя на царство. Возможно, был на соборе, в апреле поехал к Михаилу в Ярославль.

Иван Романов – на соборе был. Непонятно только, почему из бояр он подписал грамоту последним.

Окольничие:

Артемий Измайлов – на соборе не был, так как был воеводой Калуги.

Данила Мезецкий – на соборе был.

Боярин Владимир Ростовский – на соборе был. Почему-то оказался в списке окольничих.

Семен Головин – на соборе не был, так как был воеводой Ярославля.

Следует отметить, что в список попали не все бояре и окольничие, которые могли быть на соборе: нет бояр Б.М. Лыкова и В.Т. Долгорукова, окольничего Н.В. Годунова, которые могли быть на соборе.

Далее идет подпись кравчего Михаила Салтыкова – на соборе не был, так как находился с Михаилом Федоровичем в Ипатьевском монастыре, чин получил после венчания царя.

Князь Иван Катырев-Ростовский – находился на воеводстве в Тобольске и вряд ли участвовал в соборе.

За Дмитрия Черкасского расписался Василий Туренин. Черкасский на соборе мог быть, в июле 1613 г. был отправлен под Смоленск.

Чашник Афанасий Ростовский – возможно, был на соборе.

Думный дьяк С. Васильев – был на соборе.

С. Прозоровский – видимо, был, так как вошел в состав Костромского посольства.

Далее идут подписи стольников: И. Плещеева, В. Измайлова, И. Морозова, В. Нагого, Б. Морозова, Г. Морозова, А. Львова за Ю. Мезецкого, Л. Вельяминова, В. Туренина, М. Черкасского, И. Пушкина, расписавшегося и за брата, Б. Титова, С. Проестева, И. Лобанова-Ростовского, Ф. Пушкина, Г. Плещеева, В. Мезецкого, С. Гагина-Великого, М. Мезецкого, Д. Гагарина, Ф. Сицкого, И. Хилкова. Известно, что И. Плещеев и Б. и Г. Морозовы прибыли в Москву только в 1614 г., поэтому, можно предположить, что не все подписавшие грамоту стольники были на соборе.

Также трудно сказать что-либо определенное относительно стряпчих, это: А. Воейков, И. Плещеев, Д. Погожей, В. Стрешнев, И. Чемоданов, С. Милюков, Г. Образцов, Е. Бутурлин, В. Мосальский, П. Волконский, И. Траханиотов, М. Волконский, М. Измайлов, Д. Колтовский, И. Волконский, И. Головин, Д. Воейков, С. Воейков, А. Вельяминов, Б. Шереметев, Ф. Мезецкой, И. Буйносов, М. Пушкин, С. Протасьев, С. Борятинский, С. Лыков.

Всего в списке 24 стольника и 26 стряпчих. Несомненно, что число этой категории придворных существенно возросло по сравнению с XVI в. Напротив, бояр и окольных довольно мало: первых – 17, вторых – 4. Возможно, что такое соотношение стало новшеством двора Михаила Федоровича, сократившего число думных людей, находившихся в Москве, и увеличившего свою обслугу.

Следует отметить, что среди 17 бояр 10 носили этот титул до воцарения Михаила Федоровича. Из них его близким родственниками были 6 человек. 4 боярина получили свои титулы в 1613 г., 3 – в 1615 г. Из последних – 3 были родственниками царя, т.е. всего 9 человек.

Данный факт говорит о том, что среди старых бояр большинство было за Михаила Федоровича (к ним можно отнести и Б.М. Лыкова). Новые пожалования привели к тому, что перевес в пользу молодого царя стал еще больше, при этом первый Романов не был столь щедр на раздачи чинов, как Лжедмитрий I или Лжедмитрий II. В этом отношении он продолжал традиции царей XVI в. Возрастающие потребности двора и правительства удовлетворялись за счет стольников, стряпчих и приказных людей. Функции же Боярской думы, как известно, в первые годы царствования Михаила исполнял постоянно действующий Земской собор.

Среди бояр Михаила Федоровича не было худородных личностей, все они из знатных и древних родов, преимущественно княжеских. Несколько представителей одной фамилии практически нет (упомянуто два Куракина, но за отсутствовавшего Андрея Петровича расписался Головин). Можно вспомнить, что при царе Борисе в Боярской думе было довольно много Годуновых, а при царе Василии – Шуйских.

Более взвешенный состав думы Михаила позволял ей функционировать эффективнее и решать многие вопросы существенно объективнее и быстрее, чем в тех думах, где преобладали явные прогосударевы группировки, состоящие из царских родственников, или было много иных мощных родовых группировок, как при Лжедмитрии I.

Наличие в думе царя Михаила родственников, но не из его рода, а из других фамилий, обеспечивало ему поддержку главного правительственного органа, но не давало его собственному роду каких-либо преимуществ, которые бы вызывали недовольство остальной знати. Во времена царя Бориса всех возмущало засилье Годуновых, во времена Лжедмитрия I – взлет Нагих, при царе Василии – огромные преимущества Шуйских.

Как уже отмечалось, Утвержденную грамоту подписали не все бояре и окольные, которые числились в то время по спискам. Например, нет подписи боярина А.А. Нагого, который был воеводой Ростова вместе с А.П. Куракиным, не подписались и окольные В.А. Звенигородский и В.И. Мосальский, которые на момент проведения собора были на воеводствах (в Нижнем Новгороде и Кашине), но в том же 1613 г. были заменены. Нет подписей Годуновых, находившихся на воеводстве в Сибири.

Далеко не все стольники подписали Утвержденную грамоту. Среди подписавших нет В.С. Куракина, Б.А. Хилкова, И.И. Бутурлина, П.И. Пронского, Ф.В. Волынского, С.Д. Волынского, Ю.Е. Сулешова (в 1615 г. он стал боярином), И.Ф. Троекурова, Л.А. Плещеева, В.И. Бутурлина, И.В. Морозова, В.П. Черкасского, А.М. Нагого, о которых известно из других источников.

Хотя под грамотой подписались многие дьяки, но также далеко не все. Подписались: И. Болотников, Ф. Шушерин, О. Лодыженский, М. Радилов, А. Шапилов, М. Огарков, Е. Телепнев, М. Поздеев, С. Романчуков, М. Данилов, Ф. Лихачев, А. Витовтов, А. Иванов, И. Васильев, Ф. Янов, И. Чичерин, Г. Ефимьев, А. Вареев, справщик Б. Кашин, ключники В. Красной и Б. Хомутов.

Нет подписей таких известных дьяков, как Г. Мартемьянов, Н. Новокшенов, М. Любоченинов, И. Булыгин, А. Царевский, Д. Хвицкой, А. Евдокимов, И. Озерецкий и др.

Достаточно случайны и подписи дворян: Р. Пожарский, Ф. Опраксин, Р. Погожий, В. Коробьин, Ф. Пушкин, Ф. Бяртинский, С. Протасьев, А. Долгорукий, М. Шаховской, И. Бутурлин и др.

Все это говорит о том, что Утвержденная грамота подписывалась после Земского собора, но подписи под ней собирались без какой-либо системы, от случая к случаю. При этом не учитывалось, был ли данный человек в числе избирателей царя или не был.

Этот вывод подтверждает и анализ подписей представителей различных городов, всего из 27 мест.

Тула: за С. Ушакова, Ивашкина, Писемского, А. Маслова, Е. Есипова расписался Ф.Ф. Дьяков.

Брянск: С.М. Тютчев, В.И. Болтин, С.О. Безобразов, И.С. Безобразов, Д.Ю. Похвиснеев, протопоп Алексей.

Калуга: С. Судовщиков, И. Макушкин.

Курск: И.Ф. Маркин.

Вязьма: И.В. Наумов.

Малоярославец: К.С. Дурной.

Козельск: С.М. Юшков.
Серпейск: Ф.М. Полтев, Г.Д. Крекшин.
Казань: успенский игумен Иосиф.
Брянск: игумен Корнилий, строитель Варсонофий.
Козельск: И.И. Щербочев.
Мценск: И. Черемисинов.
Тверь: архимандрит Иосиф, архимандрит Иосиф (другого монастыря), Р. Давыдов, И. Репеев.
Царев-Санчурск: пушкарь П. Афонасьев.
Кузьмодемьянск: посадский человек Г. Иванов.
Мценск: П. Гринев. О. Чортов.
Владимир: стрелец С.И. Шатилов.
С Двины игумен Антониево-Сийского монастыря Иона.
Мещовск: С. Стрешнев, С. Мясоедов, Соловьев.
Коломна: голутвинский игумен Авраамий, М. Коренев, И. Змеев.
Зарайск: протопоп Дмитрий.
Рязань: И. Есипов.
Рыльск: И. Брехов, пушкарь И. Радивоносов.
Казань: дворянин П. Владской.
Белев: З. Сюдзинов, И. Нармацкий, А. Шушерин.
Устюжна: игумен Антоний.
Мценск: К. Огарков.
Мещовск: Ф. Стрешнев, С. Глебов, О. Змеев.
Арзамас: игумен Иов.
Торжок: архиепископ Иона, Д.П. Свечнин.
Рязань: игумен Игнатий, поп Андрей, дворянин В. Чевкин, О. Харин.
Арзамас: И. Путятин, Ф. Деменов, И. Нармацкий, Ф. Чемисов.
Оскол: поп Богдан.
Белгород: поп Исаак.
Туринский острог: князь И. Туманин, князь Аюка Джираи.
Серпухов: архимандрит Иосиф, протопоп Василий, Федор Арцыбашев.
Алексин: И. Дашков.
Ярославль: А. Тепрецкой, С. Данилов.
Бежецкий Верх: М. Недовясков.
Перемышль: архимандрит Савватий.
Кашин: И. Кашкаров, Б. Тютчев.
Романов: Ф. Ратманов, Дуров.
Владимир: Варлаам Манеев, М. Владыкин, И. Зловидов.
Ростов: Д. Чернов, Г. Андреев.
Одоев: С. Алексеевский.
Оскол: М. Сивков.

Вятка: архимандрит Иона, протопоп Павел, посадский человек Путилко.

Шацк: М. Протасьев, И. Иванчин, С. Порошин, протопоп Сава, С. Богомолов, стрелец Я. Ульянов.

Вологда: М. Матвеев, Осталопов.

Нижний Новгород: С. Княжегородов и его брат Федор.

Ливны: поп Гаврила.

Всего упомянут 41 город, некоторые по три (Мценск) и два раза (Казань, Арзамас, Тверь, Козельск, Брянск и др.). Данный факт опять же свидетельствует о том, что подписи собирали в разное время. Возможно, подписавшие были участниками постоянно действующего Земского собора, помогавшего Михаилу Федоровичу в первые годы его правления.

Подводя итог, следует сделать вывод, что ближним окружением молодого царя стали прежние бояре из числа его родственников и молодые дворяне из знатных семей. Ополченские воеводы, хотя и были награждены, но не были приближены к престолу.

Боярская дума царя Михаила Федоровича довольно малочисленна по сравнению с думами Лжедмитрия I или Василия Шуйского. Хотя сторонники Тушинского вора и короля Сигизмунда не были наказаны (кроме дьяков и Ф. Андропова), но их титулы не были признаны и ко двору они не были приглашены (можно вспомнить, что царь Василий оставил в силе все пожалования самозванца).

Однако при первом Романове существенно возросло число стольников, стряпчих и дьяков. Из их числа стали назначаться полковые и городовые воеводы. Аристократическая Береговая служба практически перестает существовать. Войско продолжает формироваться по ополченческому принципу из городских отрядов. Остается действующим и Земский собор, в который, судя по всему, регулярно собираются выборные от городов.

Все это дает основание сделать вывод о том, что в целом окружение первого Романова стало более демократичным, чем у его предшественников. При незначительном количестве думных людей из числа высшей аристократии возрастает дьяческий аппарат, увеличивается царский двор, постоянно действует Земский собор, состоящий из выборных людей от очень многих городов. Все это говорит о том, что молодой царь учел ошибки первых выборных царей и постарался сделать своей опорой тех, кто его избрал.

¹ Сказание Авраамия Палицына. М., 1909. Стб. 340.

² СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 14–15; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 1.

³ СГГД. Ч. 3. С. 14.

⁴ ДАИ. Т. 2. С. 1.

- ⁵ СГГД. Ч. 3. С. 14.
- ⁶ ДАИ. Т. 2. С. 2.
- ⁷ Там же. С. 1–2.
- ⁸ Там же. С. 2.
- ⁹ СГГД. Ч. 3. С. 15.
- ¹⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 33.
- ¹¹ Там же. Стб. 35.
- ¹² Там же. Стб. 37.
- ¹³ Там же. Стб. 45.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. III. Рубр. I. Ед. хр. 2; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 187–192. Кроме того, грамота опубликована в ДР. Т. 1. Стб. 18–24.
- ¹⁵ Сказание Авраамия Палицына. Стб. 343–343; Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 216–218.
- ¹⁶ Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 219–221.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 221–223.
- ¹⁹ Там же. С. 225–226.
- ²⁰ Любомиров П.Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 240–241.
- ²¹ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1912. С. 382–389.
- ²² Любомиров П.Г. Очерки... С. 241.
- ²³ Зимин А.А. Акты Земского собора 1612–1613 гг. // ЗОР ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 192–193.
- ²⁴ Там же. С. 193.
- ²⁵ АВМ. М., 1915. С. 67.
- ²⁶ Там же. С. 71.
- ²⁷ Там же. С. 71–72.
- ²⁸ ДАИ. Т. 2. С. 3–4.
- ²⁹ Там же. С. 4.
- ³⁰ Разрядные книги 1598–1638. С. 292, 259, 324, 335, 342.
- ³¹ Сказание Авраамия Палицына. Стб. 348–349.
- ³² Там же. Стб. 350.
- ³³ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. С. 383–384.
- ³⁴ Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 347–248.
- ³⁵ Там же. С. 249.
- ³⁶ Там же. С. 250–251.
- ³⁷ ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 5.
- ³⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 131.
- ³⁹ Идея Рима в Москве XV–XVI вв. Рим, 1989. С. 105–122.
- ⁴⁰ Эскин Ю.М. Местничество в России. XVI–XVII вв. М., 1974. С. 137.
- ⁴¹ ДР. Т. 1.
- ⁴² Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 66.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 64.
- ⁴⁵ Рогожин Н.М. У государевых дел быть указано... М., 2002. С. 107–109.
- ⁴⁶ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 109.
- ⁴⁷ Там же. С. 110–112.
- ⁴⁸ Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 254–256.
- ⁴⁹ Там же. С. 260–263.
- ⁵⁰ СГГД. М., 1833. Ч. 1. № 203.
- ⁵¹ Любомиров П.Г. Очерки... С. 202–270.